

## ОСНОВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ТЕОРИИ МЕСТОРАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙЦА Г. В. ВЕРНАДСКОГО

*В. П. Тихоньких*

*В статье рассматриваются взгляды Г. В. Вернадского на историю образования русского государства в его геополитической концепции месторазвития России. Обращено внимание на попытку Вернадского представить историю внутренней, российской, Евразии как историю самодостаточного субъекта исторического развития русского этноса, хотя обосновать это положение ему не удалось. Обращение к теории Вернадского месторазвития русского государства и русской нации в условиях обострения национальных отношений на исторических русских землях, даже перешедшие в военные конфликты, актуализировано историей геополитических, географических и этнографических особенностей формирования российского месторазвития. Концепция Вернадского не смотря на ограниченность сохраняет значимость в становлении территориальной целостности современной России.*

*Ключевые слова:* месторазвитие, Русское государство, Золотая орда, норманская теория, Евразия, евразийство, географические ландшафты, политика, идеология.

### Введение

Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973), геополитик, историк, сын академика В. И. Вернадского, создателя теории биосферы, входил в число ведущих классических евразийцев. Свои идеи он изложил в работах «Начертание русской истории» (1927) [3], «Опыт истории Евразии с VI в. до настоящего времени» (1934) [9; 4] и ряде других работ на русском и английском языках. Результатом переосмысления им русской истории в соответствии с евразийским учением стал монументальный труды «История России: Древняя Русь» и «Русская история» [10; 5]. Однако попытки Вернадского научно обосновать евразийский взгляд на русскую историю и создать евразийский исторический нарратив не удались. В более поздних работах Вернадский признает ошибочность евразийской трактовки русской истории и обращается к традициям русской классической исторической школы. Проблемы, рассматриваемые в работах Вернадского, не могут игнорироваться. Прежде всего, вопрос о месторазвитии России цельность которого не признается рядом государств.

Основной категорией евразийской школы геополитики является понятие «месторазвитие» – географическое расположение государства и географическая территория жизнедеятельности этносов входящих в состав населения данного государства. В понятие месторазвитие включается социально-историческая среда и естественные ландшафты территории как единое целое взаимно влияющие друг на друга. По Вернадскому месторазвитие России включает Восточную Европу и северную часть Азии. Отдельное, независимое, существование Азиатской России и Европейской России отрицается и понимается как единое географическое и геополитическое пространство с особой историей. Месторазвитие России тесно связано с Хартлендом и составляет его геополитическую и географическую основу.

Впервые термин «месторазвитие» использовал евразиец П. Н. Савицкий, в рамках которого он создавал свою научную «картину-систему» существования России. У него понятие «месторазвитие» выступает в качестве объединительного научного принципа необходимого для понимания российского исторического процесса. Савицкий считал, что место-

развитие есть «единое лоно, в котором живут и движутся ... народы, от которого они получают импульсы и на которое воздействуют, с которым сливаются в особое историческое и естественно-историческое целое» [18, с. 54]. Данной концепции придерживается и Вернадский. По словам В. Н. Побединского у Вернадского месторазвитие выступает как некий пространственный фактор, который предполагает «непосредственное влияние природных ландшафтов на историю каждой из культур... каждая из которых имеет свои внутренние циклы, свою логику исторического развития» [30, с. 24-25].

Учение о месторазвитии России в трактовке мыслителя в ряде случаев противоречит реальности, но в нем прослеживается ряд исторических и геополитических концепций, не утративших значимости и в наше время. Б. Г. Могильницкий справедливо считает, что проблема исторического места России в Евразии и обоснование особого исторического пути России, создание русской евразийской цивилизации, является центральной и «весьма перспективной для понимания своеобразия исторического развития России» [22, с. 289].

К числу наиболее сложных и спорных вопросов концепции месторазвития России Вернадского относится вопрос об истоках создания Русского государства, которые он видит в Золотой Орде и считает Россию ее исторической наследницей. Исходя из этого автор статьи рассматривает наиболее важные вопросы концепции Вернадского исторического возникновения Русского государства и противоречия его взглядов по данной проблеме, связанные, прежде всего, с влиянием Золотой орды.

### **Основная часть**

#### **Освоение фронта месторазвития России**

История России понимается как часть истории Евразии. В определенные исторические периоды отдельные части Евразии попавшие под влияние России сливаются воедино на основе геополити-

ческого местоположения. При исследовании концепции Вернадского «месторазвитие России» следует развести понятия Евразия как континент и понятие «евразийская цивилизация», занимающая только часть Севера Евразии в том числе европейской части России, Русского Севера и Русской Азии и русского Дальнего Востока понимаемые как внутренняя, российская, Евразия. Именно эти территории включены Вернадским в географию «месторазвития русского народа». Необходимо также развести понятие «евразийство» как учение, для которого главным фактором является территориальное наследие Золотой Орды, конкретно территория той части Евразии, которая входила в состав империи Чингиз-хана и Золотой Орды и понятие евразийская цивилизация, основанная базе православия и византизма.

Учение Вернадского построено на принципе географического детерминизма. Также как Джон Пол он выводит развитие государства и нации из природно-географического базиса [38, с. 1297-1222; 36, с. 67]. Для него пространство есть некая географическая платформа жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом. Месторазвитие или местообитание формируется в процессе освоения географической среды народом, проживающим на данной территории. Кроме того, месторазвитие задает рамки существования этнических и государственных образований и диктует определенные закономерности жизни обществ на данной территории. Глубина влияния на развития народа определяется климатическими и геологическими особенностями географического ландшафта «месторазвития», который вечен и постоянен и не может быть изменен [27, с. 60]. А также историческим прошлым данной территории.

Освоение территории и сопротивление соседям, претендующих на эту территорию, требуют от этноса значительных усилий. Вернадский делает вывод, что русский народ сумел преодолеть со-

противление географической и политической среды и приспособиться к своему месторазвитию: «В длительном процессе своего исторического развития русский народ освоил и объединил территорию Евразии в смысле политическом, экономическом и культурном, сперва в виде Российской Империи, затем в виде Советского Союза. Судьбы Евразии, таким образом, теперь прочно связаны с судьбою русского племени» [9, с. 4].

Освоение территории может быть пассивным путем приспособления к природным условиям и может быть активным путем изменения природных ландшафтов в свою пользу. Активное освоение территории создает искусственные ландшафты, которые в определенной мере изменяют естественные географические условия и делает их относительно комфортными для проживания. Без этих изменений никакая цивилизация невозможна. Глубина и степень изменений зависит от технологических возможностей, уровня культурного развития населения данной территории. В результате наряду с природными условиями создается искусственная географическая среда, которые формируют особые природно-географические образы, представления, мифы, получающие свое выражение в ментальности и культурной самобытности народа.

Чтобы освоить пространство необходимо его заселить. Заселению территории русскими к востоку от Урала способствовало то, что кроме относительно благоприятных геологических условий, наличия природных ресурсов, обеспечивающих возможности развития промышленности и сельского хозяйства, не было сплошного значительного заселения коренными народами территории Сибири и Дальнего Востока. Территория к востоку от Урала представляла и представляет даже в наше время открытый для ее освоения фронт. Северная Азия к началу ее колонизации Россией была заселена крайне незначительно. В Сибири, составляющей основное ядро российской

Евразии, к концу XVI столетия на площади более 10 млн. кв. км проживали лишь 200-220 тыс. человек. Население было более плотным на юге и чрезвычайно редким на севере. Это немногочисленное население было разбросано по тайге и тундре почти не связанное между собой, с низким уровнем цивилизационного развития, значительно различавшееся по уровню социального развития и устройства [25, с. 7].

Следующей причиной быстрого освоения Россией Сибири и земель далее до Тихого океана стал распад Золотой Орды. В состав Золотой Орды входили: Западная Сибирь, Северный Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым, Кипчакская степь от Иртыша до Дуная. Пика могущества Золотая Орда достигла в XIV в., но уже в XV в. распадается на отдельные улусы. Золотая Орда не освоила входившие в нее территории ни экономически, ни культурно [17, с. 5-7]. Монголы путем жестоких завоеваний смогли объединить Евразию, уничтожить и ослабить ряд государств и народов, а затем пришли к своему упадку и распаду, потере контроля над приобретенными обширными территориями. После распада единого монгольского государственного образования в Северной Азии возникли крупные «бесхозные» регионы, не организованные как государства. Тем самым были открыты просторы Северной Азии для ее освоения русским народом, занявшим эти огромные территории [6, с. 57-58].

Значительная часть этих земель и народов вошла в состав России. Завоеваний в европейском колониальном смысле не было, расширение территории России проходило за редкими случаями мирно. В русской политике в Азии никогда не ставился вопрос, в отличие от Запада, об исторических и не исторических народах [14]. Это было собирание разрозненных народов Северной Азии, значительная часть из них видела в России защитника. Россия расширялась в основном не за счет силы оружия, а путем естественной

колонизации редко населенных или вообще не заселенных территорий считает Н. Я. Данилевский [13, с. 25,39].

Продвижение русских наиболее интенсивно шло на Севере, а затем стало распространяться на южном направлении. Сибирские земли и земли Дальнего Востока в результате их освоения вошли в евразийское геополитическое поле местобитания России. Продвижению в Азию способствовала тесная геологическая и географическая связь европейской и азиатских частей Евразии. Этот обширный континент в северной его части в широтном направлении не разделен меридиональными ландшафтными рубежами, которые могли бы надолго задержать общение обитателей его разных частей. Уральские горы не могли быть серьезным препятствием общения между Европой и Азией. Полноводные притоки сибирских рек, которые имеют преимущественно широтное расположение, составляющие отличительную особенность евразийского ландшафта, обеспечивали возможность движения на восток. Вдобавок от Балатона до Байкала и далее протянулся почти сплошной пояс степей, который на протяжении всей истории Евразии служил транзитом народов и культур, как с востока, так и с запада.

### **Русь как наследие Золотой Орды**

Вернадский выделяет четыре природные широтные полосы, которые образуют почву месторазвития России. Это лесные и степные пояса являющиеся геополитическим «телом» России, от Балатона до Байкала и далее. Расположенные в широтном направлении они пересекаются по меридиану тремя равнинами соединяющие Север Евразии с Кавказом, Сибирь с Туркестаном [33, с. 128-130]. К «лесу» Вернадский относит лесную зону Восточной Европы, заселенную оседлыми славянами. Урало-алтайская степная Азия заселена кочевниками. Лес и степь геополитически противопоставляются друг другу. Между народами этих географических зон шла многовековая борьба за господство над ними. Вначале объеди-

нить «лес» и «степь» пытались славяне. Этот период длился до 1238 г. После нашествия монголов «степь» победила «лес». Период монгольского господства продолжался с 1238 г. по 1452г. [3, с. 17; 21-23].

Если в монгольский период «степь» победила «лес», то в середине XV в. «лес» в лице Московии побеждает «степь». В конечном итоге, пишет Вернадский: «Славяно-руссы осилили в этой исторической борьбе» [8, с. 131]. По убеждению Вернадского борьба «леса» и «степи» лежит в основе исторического процесса создания русского евразийского государства и единого евразийского культурно-исторического типа, то есть особой цивилизации. Перманентная борьба между «лесом» и «степью» представлена как один из политических факторов в формировании месторазвития русской нации и евразийского государства. Борьба леса и степи не периферийный сюжет одного из этапов русской истории, как у историка С. М. Соловьева, а фокус исторического нарратива [4]. В изображении Вернадского борьба носила циклический характер, где фаза объединения сменяется фазой распада.

Для Вернадского главным в образовании Русского государства является территориальное и государственное наследие Золотой Орды. На ее развалинах возникает Московское государство, являющееся, по мнению Вернадского, наследником империи Чингисхана, а не Киевской Руси [8, с. 132]. Указанные факторы подвинули Вернадского в построении парадигмы истории России к логике ложного конструирования, к принятию точки отсчета отечественной истории не Киевскую Русь, а образование империи Чингисхана. К этому же периоду было отнесено и начало генезиса русского народа как наиболее многочисленного в составе «евразийской нации» Исходя из идеи Вернадского о «пульсирующей евразийской государственности» объединенное монголами евразийское геополитическое пространство, распавшись, вновь стало собираться в единое целое, но уже под руководством русского

народа. В результате картина русской истории обрела искаженный, непривычный, не объективный вид. На место Древней Руси выдвигается идея исторического продолжения монгольской империи в форме Российского государства.

Впервые идею о татаро-монгольском источнике происхождения Русского государства изложил М. Л. Магницкий в 30-х годах XIX века, заявив о положительном значении татаро-монгольского ига для развития русского народа. Наряду с географическим тождеством Европы и Азии Магницкий говорит о культурном тождестве России и Востока. Из этой идеи вытекает преувеличенное влияние Азии на ход русской истории. Магницкий утверждал, что изоляция страны в период монголо-татарского ига привела к укреплению православия и начал русской государственности [19, с. 392-40; 14; 9,].

Русский народ преподносится как исторически не самостоятельный не только Вернадским, но рядом других евразийцев. Наиболее полно это прослеживается у Савицкого в его произведении «Степь и оседлость»: «Без «татарщины» не было бы России. В XI – первой половине XIII в. культурное и политическое измельчание Киевской Руси ни к чему иному, как к чужеземному игу, привести не могло. Великое счастье России, что она досталась татарам... Татары не изменили духовного существа России, но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно – организующейся силы, они, несомненно, повлияли на Русь» [31, с. 342].

Позицию Савицкого углубил евразийский историк Б. Н. Ширяев. В одной из своих статей он приходит к выводу, что монгольское иго вызвало русский народ из провинциализма исторического бытия мелких разрозненных племенных и городских княжеств так называемого удельного периода на широкую дорогу государственности [37, с. 7]. Их поддерживает Вернадский, заявив: «В этой промежуточной эпохе и кроется генезис русской государственности» [8, с. 101]. Безус-

ловно, генезис русской государственности продолжался в силу объективных внутренних причин, но не благодаря монгольскому игу, а вопреки ему, которое прервало развитие Руси и сдерживало его.

Вопреки исторической реальности период развития Киевской Руси до монгольского нашествия мыслился многими евразийцами, в том числе Вернадским, как исторически бесперспективный, а монгольское завоевание воспринималось как необходимый и позитивный фактор исторического развития России, который якобы спас Россию от колонизации Запада.

Если «бесперспективная» Киевская Русь даже в период раздробленности испытывала культурный и экономический подъем, то тотальное разграбление и уничтожение собственности, уничтожение населения Руси монголами в 1237-1240 гг., нарушили нормальное течение экономической и политической жизни страны, затормозили ее развитие. Особенно серьезные потери понесли города, центры городской цивилизации. Наряду с уничтожением городского наиболее продвинутого культурно населения, уничтожались ремесла и культура городов, разрушались городские институты самоуправления. Сельское население пострадало значительно меньше, поскольку оно выплачивало монголам основную часть дани и монголы не были заинтересованы в ее снижении. То же относится и к охотничьим промыслам и рыболовству [8, с. 352-353]. Русь лишалась городского хозяйства и культуры определявшего уровень развития народа и страны.

Несмотря на такие разрушительные последствия для страны, ее промышленности и культуры, Вернадский отрицает негативное влияние монгольского ига на духовную жизнь русского народа. Считает, что физическое порабощение Руси татарами не поработало душу народа, тогда как католический Запад, латинство, грозило «исказить самое душу». Татары оказались «нейтральной» культурной средой не замутили «чистоты русского национального творчества», а сыграли

важнейшую положительную роль в организации русской государственной жизни, считает ученый [23, с. 60].

Восток якобы в отличие от Запада в период татаро-монгольского ига не допускал агрессивной экспансии в область духовной жизни русского и других народов Евразии [32, с.; 11, с.81-120]. Положение, что физическое порабощение русского народа не сопровождалось духовным порабощением, и его душа оставалась свободной, в корне не верно. При этом оно преподносится не как проявление духовной стойкости русского народа, а как проявление благосклонности поработителей Руси. Необходимо признать, что, находясь более низкой ступени социальной развития монголам не удалось уничтожить духовную сущности русского народа, хотя они и оказали значительное негативное влияние. Относительно нейтральное отношение к православию, скорее всего, связано с непониманием его исторической значимости, воспринималось лишь как одно из языческих верований, не понимая его глубокой духовной сущности, на базе которой вырасталась идеология сопротивления игу монголов.

Вернадский ссылается на опыт политики Александра Невского, который оказывая сопротивление католической экспансии, шел на компромисс с монголо-татарскими завоевателями, которые были терпимы к местным религиям и верованиям Руси [7 с. 318-337]. То, что выбор стратегической линии Невского состоял в верности православию, защите его от католицизма, не подвергается сомнению. Но это не значит, что выбор стратегической линии Невского означал принятие рабства тела при одновременной свободе души. Будучи дипломатом, он выбрал сторону более сильного в военном отношении врага в борьбе против латинства. История подтвердила его дальновидность.

При этом Вернадский признавал, что компромисс для Невского был вынужденным и преследовал не только духовные цели, но перспективные полити-

ческие задачи. Политика Невского была приспособлением к конкретной ситуации. Невский стремился избежать разорения и потерю северо-западных земель Руси. Исходя из понимания политики Невского как компромисса в отношении с Золотой Ордой, Вернадский делает вывод странный для многих современников ученого, что результатом «смирения» Александра Невского перед монголами «явилось великое Государство Российское» [32, с. 46]. Это не было смирением, а была форма дипломатической борьбы за духовную независимость и этническое существование.

Историческая государственная преемственность России сводится Вернадским к подражанию, не выдержавшему испытанием времени примитивному государственному образованию, основанному на завоевании и имевшему слабые экономические основы для сохранения единства. Для создания государства одного завоевания и насаждения завоевателями своих принципов государственного устройства недостаточно. Государство возникает в результате естественного исторического процесса развития. Завоевания чужеземцев за редким исключением не создавали прочных и долговечных государств и почти всегда вели к разъединению некогда единых этносов и территорий стран, сдерживали процесс развития социально-экономических и политических основ образования государств покоренных этносов. С. Ф. Платонов указывает на то, что монгольское завоевание привело к полному разобщению Суздальской Руси с Русью Новгородской и Русью Юго-Западной. Население Суздальской и Рязанской областей было лишено возможности широкого и свободного общения с оторванными от него другими ветвями русского племени и с европейским западом [29, с. 84-85]. Результаты разъединения единого восточнославянского сообщества имеют негативные последствия даже в XXI веке.

Евразийцами факту монгольского нашествия и игу Золотой Орды на Руси

придавалось не только первостепенное, но и исключительное важное значение. Русь рассматривалась как часть монгольского раннефеодального государства развившегося в самостоятельное Московское государство под непосредственным влиянием «монгольской культуры» и монгольской государственности. В своем дальнейшем развитии это государство превратилось в особый географический, этнографический и культурный мир, объединяющий народы Евразии, явилось наследником великой державы Чингисхана. Тем самым развитие русского государства представляется как не самостоятельное и сдвигается на периферию мирового исторического развития и снижает его геополитический вес в глобальной политике [1, с. 3,18].

Если мы говорим о влиянии монгольской раннефеодальной культуры на Руси, то мы должны говорить и о передаче достижений цивилизации монголов на Русь. Сравнение культурного влияния Византии и монголов далеко не их пользу. Киевская Русь уже к началу монгольского нашествия имела устойчивую и развитую цивилизацию, основанную на православии и на утверждающейся государственной Великой письменной традиции и письменном праве. В годы ига на Руси сохранялась культурная память, исходившая из Великой письменной традиции в лице православия. Русский этнос, более точно его северо-восточная часть интегрировалась в культурную и экономическую общность – основу будущей евразийской цивилизации. Население этого региона утверждалось в понимании общей исторической судьбы и враждебности для этой судьбы ига завоевателей. О возможности сохранения достижений цивилизации даже в сложные периоды истории пишет Данилевский: «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности, хотя, достигнув уже известной силы, цивилизация может еще несколько времени продолжаться и после потери самостоятельности...» [13, с.

92]. Цивилизационного «задела» Древней Руси хватило, чтобы пережить иго, а затем создать собственное государство и мировую евразийскую цивилизацию.

Большинство русских историков в эмиграции, воспитанных на классических трудах русской исторической школы, не принимали трактовки образования Русского государства Вернадского. Даже среди евразийцев ее разделяли далеко не все. Так, видный деятель евразийского движения Я. Д. Садовский возмущался восхвалением «гнуснейшего и подлейшего рабства у татар». Подобной позиции придерживался и другой видный евразийский теоретик М. В. Шахматов [34, с. 669-691].

Еще решительней был протест противников евразийства. П. Н. Милюков категорически утверждает, что нет «...евразийской культуры, общей русским с монголами» и нет «...какого-нибудь значительного родства восточного степного быта с оседлым русским». Видный либеральный историк А. А. Кизеветтер пронизировал: «Дмитрий Донской и Сергей Радонежский с точки зрения правоверного евразийца должны быть признаны изменниками национальному призванию России» [35, с.104]. Поскольку они боролись за независимость Руси от монголов.

Ближе всего к истине находится позиция советских авторов, изложенная в книге «Золотая Орда и ее падение»: «Русское государство во главе с Москвой было создано не при помощи татар, а в процессе тяжелой борьбы русского народа против ига Золотой Орды» [12, с. 256].

Но отрицать влияние Золотой Орды на становление и развитие Русского государства было бы искажением объективного подхода к истории взаимоотношения Руси с Золотой Ордой как негативного, так и позитивного. Само географическое расположение Золотой Орды и ее историческая судьба способствовали становлению России как евразийского государства. Орда «обеспечила» наличие для русских малозаселенных земель.

### Восточные славяне и варяги

Наряду с монгольским влиянием Вернадский рассматривал проблему скандинавского «варяжского» происхождения Древнерусского государства в своих книгах «Начертание русской истории» (1927) [3], «Опыт истории Евразии с VI в. до настоящего времени» (1934) [9;4]. Результатом осмысления русской истории в соответствии с евразийским учением стал монументальный труд «Русская история России» [5]. И ряд других.

История восточных славян представлена как последовательная смена господства над ними скифов, сарматов, готов, вандалов, лангобардов, аваров, кочевников – болгар, хазар, венгров, и скандинавов [5, с. 24-35]. Для Вернадского господство варягов лишь одно из многих, сменяющих друг друга иностранных завоеваний славянских племен. Обоснование завоевания Руси варягами представлено в теории о трёх волнах покорения ими племен восточных славян. Первая VII-IX вв. охватила равнины Восточной Европы по течению Западной Двины. Вторая волна – частично состоящая из норманнских групп Приазовья, ушедших из варяго-русского каганата на север, частично из переселенцев из Швеции. Обе группы норманнов соединились и поселились в районе Ильменя и Руссы. Третья волна норманнов во главе с Рюриком основала Древнерусское государство с центром сначала в Новгороде, а затем в Киеве [5, с. 34-36].

Концепция Вернадского не имеет для основания достоверных фактов и исходит из произвольного толкования исторических источников VII-IX веков. В действительности нет никаких сколь-нибудь достоверных исторических свидетельств, которые могли бы подтвердить появление норманнов в Приазовье и Причерноморье в VII-IX вв. Вернадский игнорирует экономические и общественные предпосылки возникновения государства, что является недостатком его норманнской гипотезы. Он выступил против принципа объективности. Точка

отсчета русской истории определена не от образования Древней (Киевской Руси), а от образования империи Чингисхана. Более того к этому времени отнесено начало и весь исторический процесс генезиса русского народа. «Все предыдущие и последующие этапы отечественной истории в евразийской концепции, так или иначе, соотносятся с этим ядром и осмысливаются в связи с ним. Герменевтический круг евразийского толкования отечественной истории замкнут на монгольском периоде как на ее смысловом ядре» подчеркивают В. А. Бойко и И. В. Лихоманов в статье «Евразийство и концепция русской истории Г. В. Вернадского» [1, с. 317-336].

Достоверно известно, что с призывом варягов началось государственно-цивилизационное оформление славянских племен живущих в бассейнах рек Волхова и Днепра. Особенностью этого этапа развития было интроверсное состояние, утверждение общности населения на данной территории. После принятия православия в 988 г. начинает доминировать интроверсия – стремление найти и обосновать свое отличие от других племен и объединяющего начала.

Объединяющим началом восточных славян стали великие греческие письменные и религиозные традиции. Эти традиции основали «способ интеграции этносов в цивилизационную общность, создающую большое пространство (общность ареала) и большое время (общность исторической судьбы)». Следует обратить внимание, что «решающим интегративным фактором, во многом определяющим общность исторической судьбы, является единая письменная традиция», зафиксированная в тексте Православия [28, с. 371]. Именно эти явления можно считать началом формирования месторазвития русского народа. Особенно четко это проявилось с принятием религиозной и государственной концепции развития Русского государства – Третьего Рима.

После образования Русское централизованное государство набирало силу и



стремилось расширить свои пределы и влияние. Если на западе и юге России противостояли сильные страны, такие как Швеция, Речь Посполитая и Оттоманская Порта, созданная в 1299 году турками-османами, то на сибирских просторах ей могло противостоять лишь крайне ослабленное феодальной междоусобицей Сибирское ханство, а также слабеющие государства Поволжья. К востоку от них обитали народы, не имевшие своей государственности, и потому не могли оказать серьезного сопротивления. С освоением Сибири, а затем Приамурья и Приморья, присоединением Курил и Аляски формируется евразийский цивилизационный феномен «Русский мир», который является основным содержанием месторазвития России, который в широком смысле начал свое развитие еще до образования русской государственности. На этой основе постепенно формируется «Русская идея» – совокупность основных принципов, ценностей и идеалов, которые определяют национальную идентичность и духовное развитие народа. Постепенно ментальность из племенной трансформируется в общую этническую и общегосударственную, а под влиянием Византии в имперскую. Особое место в этом процессе принадлежит принятию православия. Его принятие, становление и развитие прошли длительный исторический путь, который можно подразделить на несколько этапов в зависимости от геополитического положения страны и уровня развития ее цивилизации. Фундаментальной национально-государственной идеей России, установившей принципы месторазвития русской цивилизации на целое тысячелетие вперед, стала православно-византийская идея, выраженная в православии. Русь в сознании ее населения стала пониматься как наследница христианской и императорской Византии. Русская идея в форме православия приобрела черты духовной основы развития русской культуры и сохранилось до наших дней.

## Православие и русская цивилизация

Вернадский в своих работах подчеркивал, что на восточнославянской почве сформировался местный, особенный вариант православия, в котором элементы византийского христианства сочетались с языческим почитанием солнца и поклонением силам природы. Православие дало мощный импульс подъему русской культуры – прежде всего, за счет возможности развивать родной язык, влившийся в русло кирилло-мефодьевской традиции, закрепившейся к моменту крещения Руси в Болгарии и Сербии. И являлось двигателем русского этногенеза, выраженного в размежевании русичей по линии «свой-чужой». Своими становились и другие крещенные в православие народы, что связывалось с делением на православных и неправославных.

Признание православия и культурного влияния Византии основным в формировании Русского государства и евразийской цивилизации отрицает один из постулатов евразийства – «исход на Восток». Потому византизм и православие являются для евразийцев лишь вторичным духовным источником. Вернадский не отрицает значение православной религии в истории России, но отводит ей лишь второстепенную роль. Эта мысль отражала общую особенность мировоззрения евразийцев, которые, не принимая радикализм революционеров – якобинцев, не поддерживали и религиозно – философское направление в движении русской эмигрантской интеллигенции. Об этом весьма определенно выказался Н. А. Бердяев: «Поколение евразийское, выросшее во время войны и революции, не чувствует себя родственным нашему религиозному поколению и не хочет продолжить его заветов» [2, с. 298-299]. Однако устойчивость суперэтническим обществам сообщают религии. Для восточных славян – это православие, которое легло в основу их духовного единства, подчеркивал К. Леонтьев [16, с. 234]. Можно добавить, что не только восточных славян. В период Смуты в России начала XVII века

и польской интервенции, присоединенные восточные области не отделились от Москвы, в частности, Сибирь.

Вернадский, говоря о целостности «месторазвития» России лишает его единых духовных скреп православия и византизма. Следует вновь обратить внимание, что для русского народа «решающим интегративным фактором, во многом определяющим общность исторической судьбы, является единая письменная традиция», зафиксированная в тексте православия [28, с. 371].

Россия унаследовала от Византии вместе с христианством культурную традицию, направленную на организацию пространственной и временной плоскости окружающего пространства. Если отойти от утопизма евразийства, то необходимо признать историческую реальность, что евразийская цивилизация как историческая и геополитическая данность имеет два исторических корня. С одной стороны, православная вера и византийская культура, пришедшие и утвердившиеся в преобразованной модели на Руси, поэтому евразийство есть наследие Византии, греко-римской цивилизации, с другой стороны, культура Скандинавии, пришедшая через Новгород и Псков вместе с Рюриком, Аскольдом и Диром. Эти два потока попали в восточнославянскую среду, уже имевшую основы своей собственной языческой цивилизации и государственности, которая воспринимала или отвергала приходившие новации. Постепенно в Восточной Европе складывался особый тип цивилизации, европейский, но самостоятельный открытый для новаций, способствующих развитию, и закрытый для влияния, которое не состыковалось восточнославянской принципами жизнедеятельности.

Скандинавское и византийское направления задали геополитический вектор развития и определили духовное и культурное развитие восточнославянской цивилизации, на, многие века. Без влияния Византии, без принятия православного христианства невозможна была

бы не только евразийская цивилизация, но и освобождение от монголо-татарского ига, которое представлено евразийцами как необходимое благо. Византия внесла дух миссионерства в русское общество, которое на протяжении веков осуществлялось по всем геополитическим направлениям. В том числе, и на западном направлении. Но здесь было слишком велико сопротивление находящейся в стадии становления, выражаясь обобщенно, западной цивилизации. Другим важнейшим геополитическим фактором превращения русской цивилизации в евразийскую цивилизацию, стало наличие после падения некогда могущественной империи монголов «свободных» пространств на востоке. В месторазвитии России геополитическое пространство Европейской и Азиатской России – Северной Азии, органически слилось, образовав мировую русскую православную цивилизацию – евразийскую.

Урок, который извлекли русские из монгольского ига, состоял в том, что безопасность от кочевого востока может быть обретена лишь через контроль над северной Евразией, над северной частью Хартленда. К этой цели они приближались постепенно через ряд стадий утверждения в Зауралье. Экспансия на восток началась в середине шестнадцатого столетия, которая в конечном итоге обеспечила контроль над значительной частью Хартленда. Хартленд (англ. Heartland) – «сердцевинная земля» так Х. Д. Маккиндер назвал центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга: Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга: Америка – Африка – Океания. [19, с. 162-169]. В начале Хартленд обозначался как «Ось истории» – северо-восточная часть Евразии, общей площадью более 15 млн. км<sup>2</sup>, приблизительно совпадающую с территорией Российской империи и Советского Союза. Теперь значительную часть этого пространства контролирует Россия и географически совпадает с Хартлендом Маккиндера, понимаемого им как «ось мира»

или «ось истории». «Ось истории» наделяется всемирно-историческим содержанием, поскольку контроль над Хартлендом, отмечает Н. А. Нарочницкая, обеспечивает контроль над Мировым островом [24, с. 374].

В труде «Демократические идеалы и реальность» вышедшем в свет в 1919 г. Маккиндер сформулировал максимум: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом. Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [21, с. 134-144]. Именно в Хартленде наиболее остро проявляются противоречия теллурократии и телассократии – борьба стран моря и суши за владение Мировым островом. Борьба неизбежна по самому принципу расположения Хартленда, роль которого будет возрастать с развитием сухопутных транспортных путей [20, с. 162-169].

Западная Европа, считал Маккиндер, должна противостоять попыткам России консолидировать ресурсы Хартленда [24, с. 324]. Этим детерминируется борьба за Хартленд на протяжении всего XX века и продолжается XXI веке. Пример, война на Украине, развязанная Западом и политика США использования НАТО как «петли анаконды».

### Заключение

Многие теоретические положения Вернадского были ограничены идеологией евразийства. В своей концепции своеобразия «месторазвития» русского народа Вернадский выводит из двух комплексных причин: внешних природно-географических факторов и внутренних – саморазвитие славянского этноса как социального организма. Оба эти фактора подчинены цивилизационному влиянию

Востока. Прежде всего, Золотой Орды. Спорны, например, гипотезы Вернадского о единстве славянской и туранской культур, симфонической личности, этакратического религиозного государства на основе синтеза мировых религий Востока и христианства. Так же и идеализированные позитивные представления о роли, которую сыграли степь и кочевники в историческом прошлом России. Тем не менее, ряд положений геополитической концепции «месторазвития» России сохраняет свою политическую значимость.

Евразиец Вернадский верно определяет, что для русского народа Северная Евразия является естественным месторазвитием, которое определило логику его исторического движения на восток. Он показал, что становление месторазвития России прошло несколько этапов: Древняя (Киевская Русь), Московское государство, Российская империя и СССР. Несмотря на то, что многие теоретические положения Вернадского ограничивались идеологическими рамками евразийства и часто расходились с реальностью исторического процесса, но они ценны своей постановкой важных для русской истории вопросов.

У Вернадского есть противоречие в утверждении единства между территориями реальной Русской Евразии, как русской евразийской цивилизации, и территориями Российской империи и Советского Союза. Не все народы этих государств вошли в состав русской евразийской цивилизации. В частности, народы Средней Азии остались в рамках азиатской или мусульманской цивилизации. Говорить, что Средняя Азия, которая входила в Российскую империю, а затем в СССР, составляла часть местообитания русского народа, не приходится.

### Список источников и литературы:

1. Бойко В. А., Лихоманов. И. В. Евразийство и концепция русской истории Г. В. Вернадского // Идеи и идеалы. – 2019. – Том 11. – №3, часть 2. С. 317-336.
2. Бердяев Н. И. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. – 1993. С. 298-299.
3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории: С прилож. «Геополитических замечаний по русской истории» П. Н. Савицкого / Г. В. Вернадский. – Прага. – 1927. – 263 с.

4. *Вернадский Г. В.* Звенья русской культуры / Г. В. Вернадский. – Прага: Изд. евразийцев, 1938. Ч. 1, вып. 1: Древняя Русь: (до пол. XV в.). – 1938. – 228 с.
5. *Вернадский Г. В.* Русская история. – Москва: Аграф, 1997. 542 с.
6. *Вернадский Г. В.* Против солнца. Распространение русского государства к Востоку // Русская мысль. – Москва, 1914. – № 4. – 26 с.
7. *Вернадский Г. В.* Два подвига Святого Александра Невского // Евразийский временник. – 1925. Кн. 4. – 448 с.
8. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь = Mongols and Russia / пер. с англ. Е. П. Беренштейн, Б. Л. Губман, О. В. Строганова. – Тверь: ЛЕАН, 1997. – 480 с.
9. *Вернадский Г. В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 339 с.
10. *Вернадский Г. В.* История России: Древняя Русь / Георгий Владимирович Вернадский. – Москва-Тверь: ЛЕАН: Аграф, 2004. – 447 с.
11. *Вернадский Г. В.* Соединение церквей в исторической действительности. – «Россия и латинство. Сборник статей». – Берлин: тип. Е. Neckendorff, 1923. – С. 81-120.
12. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и её падение. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.
13. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгача. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.
14. *Иванов А. В.* Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А. В. Иванов Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. М. Ю. Шишин. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 243 с.
15. *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2010. – 928 с.
16. *Леонтьев К.* Цветущая сложность. – Москва, 1992. – С. 234.
17. *Логунова Г. В.* Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: учебное пособие / Г. В. Логунова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 110 с.
18. *Логовиков П. В.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. – 241 с.
19. *Магницкий М. Л.* Судьба России. -Радуга: Ревель, 1833. – С. 392-401. Цит. по: Мир России – Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – Москва: Высшая школа, 1995. – 399 с.
20. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 162-169.
21. *Маккиндер Х. Д.* Демократические идеалы и реальность. – Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134-144.
22. *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли X-XX вв. – Санкт-Петербург: Лань, 1998. – С. 289.
23. Мир России – Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – Москва: Высшая школа, 1995. – 399 с.
24. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. – Москва, 2004. – 533 с.
25. *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). – Москва: Наука, 1987. – 176 с.
26. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. – № 1. – 1992. – С. 104-108.
27. Основы евразийства: Антология основных программ материалов по идеологии и политическим воззрениям представителей евразийского движения. Составители Агамалян Н., Галимова В., Гуськов А. –Москва: АРКТГЕЯ, 2002-796 с.
28. *Панарин А. С.* Политология. Москва: «Проспект», 1997. – 408 с.
29. *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. – Москва, 1992. – 400 с.
30. *Побединский В. Н.* Культура и «почва» в учении евразийцев: геософия или геополитика? // Вопросы культурологии. – 2009. – № 11. – С. 23-27.
31. *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость. «На путях. Утверждение евразийцев». – Москва – Берлин, 1922. – 358 с.
32. *Соколов С. М.* Философия русского зарубежья: евразийство. - Улан-Удэ, Изд-во ВСГТУ. – 584 с.

33. Сутормин С. О. Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 126-131.

34. Шахматов М. В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. – Прага, 1927 г. – С. 669-691.

35. Шатилов А. А. Пересвет и Челубей – братья навек // Родина. – 1997. – № 3-4. – С. 99-104.

36. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. – Новосибирск, 2008. – 167 с.

37. Ширяев Б. Наднациональное государство на территории Евразии // Евразийская хроника. - Париж, 1927. – № 7. – С. 6-13.

38. Pohl J. Regional Identity // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. by N. Smelser. – London: Elsevier, 2001. – Pp. 12917-12922.

**Тихоньких Виктор Петрович** – историк, независимый исследователь, (г. Абакан, Россия), victor.tikhonkikh@mail.ru

## FOUNDATIONS AND CONTRADICTIONS IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN STATE WITHIN G. V. VERNADSKY'S EURASIANIST THEORY OF 'PLACE-DEVELOPMENT' (MESTORAZVITIE)

*V. P. Tikhonkikh*

*The article examines G. V. Vernadsky's views on the history of the Russian state's formation within his geopolitical concept of Russia's 'place-development' (mestorazvitie). Attention is drawn to Vernadsky's attempt to portray the history of inner, Russian Eurasia as the history of a self-sufficient subject of the historical development of the Russian ethnos, although he failed to substantiate this thesis convincingly. Revisiting Vernadsky's theory of the 'place-development' of the Russian state and nation is particularly relevant today, given the intensification of ethnic tensions in historical Russian lands, which have even escalated into military conflicts. This relevance is underscored by the history of the geopolitical, geographical, and ethnographic specificities that shaped the Russian 'place-development'. Despite its limitations, Vernadsky's concept retains significance for understanding the establishment of the territorial integrity of modern Russia.*

**Keywords:** place-development (mestorazvitie), Russian state, Golden Horde, Norman theory, Eurasia, Eurasianism, geographical landscapes, politics, ideology.

### References

1. Boiko V. A., Likhomanov I. V. Evraziistvo i kontseptsiya russkoi istorii G. V. Vernadskogo [Eurasianism and G. V. Vernadsky's Concept of Russian History] // Idei i idealy [Ideas and Ideals]. – 2019. – Vol. 11. – No. 3, Part 2. – pp. 317-336. (In Russ.)

2. Berdyayev N. I. Evraziistvo [Eurasianism] // Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn: Antologiya [Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation: An Anthology]. – 1993. – pp. 298-299. (In Russ.)

3. Vernadsky G. V. Nachertanie russkoi istorii: S prilozh. «Geopoliticheskikh zametok po russkoi istorii» P. N. Savitskogo [An Outline of Russian History: With the Appendix "Geopolitical Notes on Russian History" by P. N. Savitsky] / G. V. Vernadsky. – Prague. – 1927. – 263 p. (In Russ.)

4. Vernadsky G. V. Zven'ya russkoi kultury [The Links of Russian Culture] / G. V. Vernadsky. – Prague: Izd. evraziitsev, 1938. – Part 1, iss. 1: Drevnyaya Rus' (do pol. XV v.) [Ancient Rus (until the mid-15th century)]. – 1938. – 228 p. (In Russ.)

5. Vernadsky G. V. Russkaya istoriya [Russian History]. – Moscow: Agraf, 1997. – 542 p. (In Russ.)

6. Vernadsky G. V. Protiv solntsa. Rasprostranenie russkogo gosudarstva k Vostoku [Against the Sun. The Spread of the Russian State to the East] // Russkaya mysl' [Russian Thought]. – Moscow, 1914. – No. 4. – 26 p. (In Russ.)

7. Vernadsky G. V. Dva podviga Svyatogo Aleksandra Nevskogo [The Two Feats of Saint Alexander Nevsky] // Evraziiskii vremennik [Eurasian Chronicle]. – 1925. – Book 4. – 448 p. (In Russ.)
8. Vernadsky G. V. Mongoly i Rus' = Mongols and Russia / transl. from English by E. P. Berenshtein, B. L. Gubman, O. V. Stroganova. – Tver: LEAN, 1997. – 480 p. (In Russ.)
9. Vernadsky G. V. Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoi kultury [An Experiment in the History of Eurasia. The Links of Russian Culture]. – Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2005. – 339 p. (In Russ.)
10. Vernadsky, G.V. Istoriya Rossii: Drevnyaya Rus' [History of Russia: Ancient Rus] / Georgii Vladimirovich Vernadsky. – Moscow-Tver: LEAN: Agraf, 2004. – 447 p. (In Russ.)
11. Vernadsky G. V. Soedinenie tserkvei v istoricheskoi deistvitel'nosti [The Union of Churches in Historical Reality] // «Rossiya i latinstvo. Sbornik statei» ["Russia and Latinity. Collection of Articles"]. – Berlin: tip. E. Heckendorff, 1923. – pp. 81-120. (In Russ.)
12. Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. Zolotaya Orda i ee padenie [The Golden Horde and its Fall]. – Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 505 p. (In Russ.)
13. Danilevsky N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe] / Comp., afterword and comments by S. A. Vaigach. – Moscow: Kniga, 1991. – 574 p. (In Russ.)
14. Ivanov A. V. Evraziistvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskie priority: monografiya [Eurasianism: Key Ideas, Values, Political Priorities: monograph] / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev, M. Yu. Shishin. – Barnaul: Izd-vo AGAU, 2007. – 243 p. (In Russ.)
15. Lamansky V. I. Geopolitika panslavizma [The Geopolitics of Pan-Slavism] / Comp., preface, comments by Yu. V. Klimakov; ed. by O. A. Platonov. – Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. – 928 p. (In Russ.)
16. Leontiev K. Tsvetushchaya slozhnost' [Flourishing Complexity]. – Moscow, 1992. – pp. 234. (In Russ.)
17. Logunova G. V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyaniya: uchebnoe posobie [Rus' and the Golden Horde: The Problem of Mutual Influence: textbook] / G. V. Logunova. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. – 110 p. (In Russ.)
18. Logovikov P. V. Nauchnye zadachi evraziistva [Scientific Tasks of Eurasianism] // Tridtsatye gody. Utverzhdenie evraitsev [The Thirties. The Affirmation of the Eurasians]. – Paris, 1931. – 241 p. (In Russ.)
19. Magnitsky M. L. Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. -Raduga: Revel, 1833. – pp. 392-401. Quoted from: Mir Rossii – Evraziya: Antologiya [The World of Russia – Eurasia: An Anthology] / Comp.: L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. – Moscow: Vysshaya shkola, 1995. – 399 p. (In Russ.)
20. Mackinder H. Geograficheskaya os' istorii [The Geographical Pivot of History] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. – 1995. – No. 4. – pp. 162-169. (In Russ.)
21. Mackinder H. D. Demokraticheskie idealy i real'nost' [Democratic Ideals and Reality] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. – 2011. – No. 2. – pp. 134-144. (In Russ.)
22. Mogilnitsky B. G. Istoriya istoricheskoi mysli X-XX vv. [History of Historical Thought from the 10th to the 20th Centuries]. – Saint Petersburg: Lan', 1998. – pp. 289. (In Russ.)
23. Mir Rossii – Evraziya: Antologiya [The World of Russia – Eurasia: An Anthology] / Comp.: L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. – Moscow: Vysshaya shkola, 1995. – 399 p. (In Russ.)
24. Narochinskaya N. A. Rossiya i russkie v mirovoi istorii [Russia and Russians in World History]. – Moscow, 2004. – 533 p. (In Russ.)
25. Nikitin N. I. Sibirskaya epopeya XVII veka (nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi) [The Siberian Epic of the 17th Century (The Beginning of the Development of Siberia by Russian People)]. – Moscow: Nauka, 1987. – 176 p. (In Russ.)
26. Novikova L. I., Sizemskaya I. N. Politicheskaya programma evraitsev: real'nost' ili utopiya? [The Political Program of the Eurasians: Reality or Utopia?] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. – No. 1. – 1992. – pp. 104-108. (In Russ.)
27. Osnovy evraziistva: Antologiya osnovnykh programnykh materialov po ideologii i politicheskim vzglyadam predstavitelei evraziiskogo dvizheniya [Fundamentals of Eurasianism: An Anthology of Basic Program Materials on the Ideology and Political Views of Representatives of the Eurasian Movement] / Compilers Agamalyan N., Galimova V., Gus'kov A. – Moscow: ARKTGEYa, 2002. – 796 p. (In Russ.)

28. *Panarin A. S.* Politologiya [Political Science]. Moscow: «Prospekt», 1997. – 408 p. (In Russ.)
29. *Platonov S. F.* Uchebnik russkoi istorii [Textbook of Russian History]. – Moscow, 1992. – 400 p. (In Russ.)
30. *Pobedinsky V. N.* Kul'tura i «pochva» v uchenii evraitsev: geosofiya ili geopolitika? [Culture and "Soil" in the Teaching of the Eurasians: Geosophy or Geopolitics?] // *Voprosy kul'turologii* [Questions of Culturology]. – 2009. – No. 11. – pp. 23-27. (In Russ.)
31. *Savitsky P. N.* Step' i osedlost' [The Steppe and Sedentary Life]. «Na putyakh. Utverzhdenie evraitsev» ["On the Paths. The Affirmation of the Eurasians"]. – Moscow – Berlin, 1922. – 358 p. (In Russ.)
32. *Sokolov S. M.* Filosofiya russkogo zarubezh'ya: evraziistvo [Philosophy of the Russian Abroad: Eurasianism]. – Ulan-Ude, Izd-vo VSGTU. – 584 p. (In Russ.)
33. *Sutormin S. O.* Kontseptsiya mestorazvitiya evraziiskogo aspekta v nauchnom nasledii G. V. Vernadskogo i P. N. Savitskogo [The Concept of "Place-Development" in the Eurasian Aspect in the Scientific Heritage of G. V. Vernadsky and P. N. Savitsky] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. – 2014. – No. 384. – pp. 126-131. (In Russ.)
34. *Shakhmatov M. V.* Poslednie dni Mariinskogo dvortsa i Petrograda [The Last Days of the Mariinsky Palace and Petrograd]. – Prague, 1927. – pp. 669-691. (In Russ.)
35. *Shatilov A. A.* Peresvet i Chelubei – brat'ya navek [Peresvet and Chelubey – Brothers Forever] // *Rodina* [Motherland]. – 1997. – No. 3-4. – pp. 99-104. (In Russ.)
36. *Shilovsky M. V.* Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regiona [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region]. – Novosibirsk, 2008. – 167 p. (In Russ.)
37. *Shiryayev B.* Nadnatsional'noe gosudarstvo na territorii Evrazii [A Supranational State on the Territory of Eurasia] // *Evraziiskaya khronika* [Eurasian Chronicle]. – Paris, 1927. – No. 7. – pp. 6-13. (In Russ.)
38. Pohl J. Regional Identity // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Ed. by N. Smelser. – London: Elsevier, 2001.- pp. 12917-12922.

**Tikhonkikh Viktor Petrovich** – historian, independent researcher, (Abakan, Russia), victor.tikhonkikh@mail.ru

*Статья поступила в редакцию: 05.07.2025; принята к публикации: 10.09.2025*

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

*Тихоньких В. П.* Основы и противоречия образования русского государства в теории месторазвития евразийства Г. В. Вернадского // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2025. – № 3(13).– С. 85-99.

## FOR CITATION:

*Tikhonkikh V. P.* Osnovy i protivorechiya obrazovaniya russkogo gosudarstva v teorii mestorazvitiya evraziystva G. V. Vernadskogo [Foundations and contradictions in the formation of the Russian state within G. V. Vernadsky's eurasianist theory of 'place-development' (mestorazvitie)] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2025. № 3(13). P. 85-99.